

переосмысления материала, использование внелитературных фактов и языковых средств для неожиданного «остранения» формы, культ изощренного словообраза, внешней образной ассоциации и т. п.

Но действительно живой, трагический, революционный жизненный материал, который принесли с собой прозаики 20-х годов, однако, не подчинился той эстетской обработке, которую предпринимали «Серапионы». И во многих произведениях 20-х годов мы встречаем кидашееся в глаза противоречие между эпически-значительным содержанием и суетливой нарочитостью формы, стремящейся к изощренности, ненужной усложненности и непременно «остранению».

В «Партизанских повестях», как мы видели, Вс. Иванов достигает уже большой степени художественно-образной выразительности, способной передать все величие и драматизм темы гражданской войны. Можно ко всему, что уже сказано, упомянуть здесь о превосходном использовании художественной детали в повестях, об отдельных, изобразительно-выразительных штрихах, которыми Вс. Иванов умеет схватить характерный облик попавшего в его поле зрения человека (например, «...похожий на новое стальное перо, чистенький учитель» или «белокурый, курчавый парень, похожий на цветущую черемуху», «цыплята, похожие на кусочки масла») или передать в одной детали ужас и боль разорения и смерти, которые несет с собой война (в «Бронепоезде» партизаны проходят через мертвое село, в котором только что шел бой и «от двора ко двору, среди трупов, кольцами кружилась сошедшая с ума беленькая собачонка»). В «Партизанских повестях» восхищает обильная красочность, свежесть, цветистость образов и языка. В повестях мерцают и горят все цвета и пленительные оттенки, переданные в интенсивных, красочных эпитетах — блестящий, золотой, зеленовато-золотистый, пурпурно-бронзовый, кроваво-черный и т. п. Один из исследователей творчества Вс. Иванова заметил, что «Партизанские повести» как бы не написаны, а ярко вышиты, подобно азиатским коврам, унизаны блестками и золотом.

Но уже в «Партизанских повестях» ощущается отмеченное выше противоречие между драматическим, глубоким содержанием и изысканной, подчас нарочитой художественной формой с явной ориентацией на «орнаментальную» прозу.

Фрагментарный, разорванный стиль изложения, видный в «Бронепоезде», натуралистические излишества, «выпячивание» натуралистической детали во всех трех повестях, иногда чисто внешний лирический орнамент (в «Цветных ветрах»), образное «остранение» (см. начальные строки «Бронепоезда» — «цифры блеснули перед глазами: на дверях купе, на рамах окна, на ремне, на кобуре револьвера... точно огромная мясистая цифра 8, на койке... отдыхает прапорщик Обаб»), «злоупотребление местными речениями», языковый натурализм, за который упрекал Вс. Иванова Горький (некоторые реплики Син Бин-у, «звукзапись» всех аномальностей крестьянской речи и пр.), стилизация под сказ или, в некоторых более поздних произведениях, под восточный сказ («Рассказы на вершине

Эльбруса») — все это при яркой индивидуальности творчества Вс. Иванова и значительности того жизненного содержания, к которому он тяготеет, было явно поверхностным формалистическим налетом, от которого, впрочем, писатель освобождался долго и с трудом.

После «Партизанских повестей» Вс. Иванов усиленно работал в разных жанрах. В 20-е годы — это один из наиболее плодотворных авторов.

Мы встречаем в творчестве Вс. Иванова этой поры занимательные, остро сюжетные иронические новеллы, собранные в цикл «Экзотических рассказов», тут и рассказы-воспоминания о детстве и юности («Когда я был факиром», «Отец и мать» и др.), и рассказы, основанные на драматических эпизодах гражданской войны («Смерть Олега», «Лощина Кара-Сор» и др.), и иронические стилизации в восточном духе, но на современном анекдотическом материале («Рассказы на вершине Эльбруса»), и рассказы, отражающие мрачные и тяжелые страницы полуживотного существования людей в эпоху войн и революций («Дите», «Полая Арапия»), и многие другие.

Но центральное место в эту полосу творчества Вс. Иванова занимает нашумевший сборник «Тайное тайных» (1927), к которому в той или иной мере примыкает основная масса написанного Вс. Ивановым в середине и конце 20-х годов.

То повышенное внимание к биологическому началу в человеке, к первоначальной жизненной стихии, а также культ внеразумного и неосознанного — все это, отмеченное нами еще в «Цветных ветрах», нашло в рассказах группы «Тайное тайных» свое наиболее полное воплощение. Но если в «Цветных ветрах» и в ряде рассказов более позднего периода биологичность и стихийность являлись часто лишь своеобразным преломлением социальных бурь, захватывающих человека до глубины души, то в рассказах «Тайное тайных» обостренный интерес автора переключается на подсознательную, стихийную жизнь некоей человеческой единицы, выключенной из времени и истории, отданной во власть разрушительных биофатальных сил. В герое «Тайного тайных» — обычно представителе мелkobуржуазной, крестьянско-мещанской уездной среды, просыпаются и бушуют «извечные», не побежденные ничем страсти и томления — тяга к земле, тяжелая похоть, ужас смерти, разрушительные импульсы, чувство биологической «клеточной» близости ко всему земному. Весь этот комплекс подсознательных, слепо прорывающихся, чувств в человеке и есть то «Тайное тайных», над чем не властны ни общественные силы, ни революция, ни разум, ни воля человека. Наоборот, именно это «Тайное тайных» — земля, пашня, хлеб, инстинкт размножения и продолжения рода, патология любви и ненависти — это подчиняет себе в человеке все духовное и разумное. Люди в рассказах этой группы бродят по земле, как сомнамбулы, ведомые своим «тайным», они добиваются чего-то или бегут от чего-то, не в силах объяснить себе свое поведение, подчиняясь лишь власти «тайного».